

Опять неистово цветут деревья
и, может быть, меня кому-то жаль.

Спокойно мне. Теперь я точно знаю,
куда ходить не стоит мне порой.
Там у земли под сердцем бьются злаки,
сердца деревьев рвутся под корой.

Спокойно мне, хотя весной опасен
взрыв запахов, сирени и земли.
Еще немного — и его погасят
потоки ливней или зной в пыли.

А той дорогой через санаторий,
которой к морю бегали с тобой,
пожалуй, мне ходить не стоит.
Там до сих пор рыдает по тебе прибой.

Я слышу голос давний или дальний.
Опять смешались звезды и огни.
Я и тогда не знала, а теперь давно,
В какую сторону весной уходят дни.

1985 г.

* * *

Утро — новое творенье.
Не спешите в напряженье.
Взгляд кладите акварелью
на фасады и деревья.

Свет молочный над домами.
Пьют его коты на крышах,
любоваться южной гаммой
на балкон художник вышел.

Тетя Муся рыбу жарит,
моря чувствуется запах.
Рядом наблюдает Шарик
тень, ползущую на Запад.

Вот уже идут с "Привоза".
Что там в сумках? — натюрморты.
Словно только что с мороза
яблок радостные морды.

Лук фырчит зеленый, лапы
петуха торчат из сумки.
Это ж копия голландцев.
Жаль, что сразу сварят студень.

Жизнерадостна палитра
и добры соседей лица.
Вот и, наконец, с поллитрой
вышел Гена похмелиться.

1977 г.

* * *

Как долго нет на свете Вали...
Ушел однажды, не простился.
И я с покинутых развалин
Сорвалась перелетной птицей.

Я в сон чужой нечаянно попала.
Я в суету нырнула, чтоб не сгинуть,
Чтоб задолбать непрошеную память.
Одна реальность — на стене картина.

Я время отодвину, как гардину:
Чай наливает гостю Хрущик.
Кувшин из глины на картине,
И по нему крадется лучик.

20 апреля 2009 г.

Бат-Ям

